

7. Baglay, M.V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii. – M., 1998.
8. Baymakhanov, M.T. Protivorechiya v razvitii pravovoy nadstroyki pri socializme. – Alma-Ata, 1972.
9. Kudryavcev, V.N. Obthaya teoriya kvalifikacii prestuplenij. – M., 1972.
10. Shargorodskiy, M.D. Obthaya teoriya gosudarstva i prava / pod red. D.A. Kerimova. – L., 1961.
11. Tikhomirov, Yu.A. Kollizionnoe pravo: uchebnoe i nauchno-prakticheskoe posobie. – M., 2005.
12. Svetlov, V.A. Konflikt: modeli, resheniya, menedzhment. – SPb., 2005.

Статья поступила в редакцию 10.05.12

УДК 343.14

Serednev V.A. PROBLEMS THE OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS. In this article the author examines the contents of forms and sources of evidence, examining the different views of famous scientists on the issue. The author points out that the analysis of the theoretical nature of the category of admissibility of evidence in the criminal process allows us to consider it as an independent legal institution. Examining the legal consequences of violations of procedural form, the author believes that only significant violations of criminal procedure, may be the basis of recognition of evidence inadmissible. In considering the results of operative-search activity as evidence by the author of the study indicate that OSA results can be used as evidence. In the course of the study and analysis the author points to consolidate the results of the procedural form of OSA, depending on the outcome of the mechanism of OSA through the search operations.

Key words: admissibility of evidence, information, source, protocol, document, procedural form, justice, operatively-search activity, the law.

V.A. Середнев, аспирант каф. уголовного процесса и криминалистики Нижегородского гос. университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, E-mail: paganov1910@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается содержание формы и источников доказательств, исследуются различные взгляды известных ученых на данную проблему. Автор указывает на то, что анализ теоретической сущности категории допустимости доказательств в уголовном процессе позволяет рассматривать её как самостоятельный правовой институт. Исследовав правовые последствия нарушений процессуальной формы, автор считает, что только существенные нарушения уголовно-процессуального законодательства, могут считаться основанием признания доказательств недопустимыми. Рассматривая вопрос использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств, автор в результате проведенного исследования указывает, что результаты ОРД могут использоваться в качестве доказательств. В ходе проведенного исследования и анализа автор указывает на процессуальную форму закрепления результатов ОРД в зависимости от механизма получения результатов ОРД посредством оперативно-розыскных мероприятий. Рассмотрен идеологический аспект результатов ОРД при введении в качестве доказательств в уголовный процесс.

Ключевые слова: допустимость доказательств, информация, источник, протокол, документ, порядок, справедливость, оперативно-розыскная деятельность, закон.

*Bonis nocet, cui malis parci
Kto щадит злых, вредит добрым*

1. Содержание формы и источников доказательств.

Думается нужно остановиться на некоторых спорных проблемах допустимости доказательств, которых в настоящее время более чем достаточно. К данным проблемам, прежде всего, относится само понятие допустимости доказательств. Не смотря на то, что ни кто не оспаривает, такой элемент доказательства, как допустимость, сущность же допустимости все понимают по-разному. Единое понятие доказательства не должно исключать различия составляющих его частей: сведений, источников и формы. Сведение это не что иное, как содержание доказательства. Сведения несут информацию об обстоятельства совершенного преступления, в силу чего являются средствами доказывания. Сведения сами по себе не являются доказательствами, они есть первичный материал, для формирования доказательств. Данные сведения имеют свою форму сохранения, при чем в зависимости от источников, она может быть разная. Если носитель информации человек, то на лицо субъективная форма, включающая восприятие, запоминание и воспроизведение информации, так как «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [1, с. 21]. Если носитель информации предмет, то и формой сохранения сведений, проявляющихся в изменении структуры состояния вещи, будут материальные предметы.

Содержание доказательств образуют относимые, допустимые и достоверные сведения, полученные из источников в установленном законом порядке. В настоящее время в процессуальной литературе нет единого мнения, что следует считать источниками доказательств. Широкий разброс мнений по данной проблеме объясняется в известной мере тем, что в законе отсутствует определение «источника доказательства» (опреде-

ления нет ни в ст.5 УПК РФ, где разъясняются основные понятия и термины, используемые в УПК РФ, так и в ст. 74 УПК РФ, посвященной доказательствам).

В настоящее время одни исследователи считают, что носитель информации как форма сохранения информации существует в каждом доказательстве. Этот вывод основывается на положении о том, что событие преступления, будучи явлением объективного мира взаимодействуя с другими фактами, событиями, отражается в виде следов в памяти людей и на материальных предметах. Человек и предмет не являются источником доказательств. Они сами по себе не создают информацию, они ее сохраняют.

По мнению других процессуалистов, «показания или документы являются доказательствами, а источником человек, от которого они получены» [2, с. 190]. А.А. Давлетов по этому поводу имеет другое мнение: «Доказательствами выступают сами лица и вещи с исходящими от них фактическими данными» [3, с. 34-35]. Из этого высказывания следует, что носители сведений без процессуального оформления становятся доказательствами по уголовному делу. Это не совсем верно. И вообще с трудом представляется, как например человека можно приобщить к уголовному делу в качестве доказательства.

В.Я. Дорохов считал, что человек, является носителем информации для всех без исключения источников доказательств. Он писал: «Источниками показаний и заключения будут лица, дающие показания и заключения; источниками протоколов следственных и судебных действий и документов выступают лица, составившие протокол- документ; источником вещественных доказательств является следователь, понятие, а также граждане, нашедшие и представившие органам расследования предмет» [4, с. 213]. Исходя из того, что сущность доказательства в уголовном процессе может быть объяснена только на основе теории познания диалектического материализма, он, верно, пи-

шет, что «доказательствами в уголовном процессе нельзя называть ни факты, входящие в предмет доказывания, ни иные факты. В мышлении человека существуют, взаимодействуют, движутся не вещи, не предметы, а их образы, понятия, сведения о них» [5, с. 108].

Нужно сказать, что вопрос об определении места носителя информации в структуре доказательства может быть решен в связи с положениями о процессуальной форме доказательств. Данная форма выражает специфику возникновения доказательств, которая распадается на два разделенных во времени, но взаимосвязанных между собой процесса. Первый из них относится к слепообразованию, когда взаимодействие предметов объективного мира влечет за собой их взаимное изменение и создает объективную предпосылку возможности передачи соответствующей информации. Однако следы сами по себе, не являются доказательствами. Чтобы стать содержанием доказательства, т.е. превратиться в относимую к уголовному делу информацию, эти свойства и состояния предмета (также как и элементы обстановки места происшествия) должны быть в первую очередь восприняты, выделены следователем и затем зафиксированы им в виде соответствующих сведений в протоколе. В случаях, когда документы обладают признаками, указанными в ст. 81 УПК РФ, они являются вещественными доказательствами. Иные документы в отличие от протоколов следственных и судебных действий могут появляться в уголовном процессе, не зависимо от прямой связи совершаемых следственных и процессуальных действий по уголовному, так как порождены в результате повседневной деятельности, граждан, предприятий, учреждений, организаций.

Протоколы следственных и судебных действий являются процессуальной формой сохранения показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого. Таким образом, в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела следом (отражением) придается процессуальная форма. Сведения и источники их получения находятся в неразрывном единстве.

Статья 74 УПК РФ определяет, что «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». Нужно обратить внимание, что рассматривая связь между сведениями и обстоятельствами подлежащими доказыванию, законом определена как первое из двух обязательных правовых требований доказательства – относимость.

Преимущество определения доказательств, которое содержится в УПК РФ, по сравнению с УПК РСФСР, в том, что современное уголовно-процессуальное законодательство четко определяет доказательства, как любые сведения (исключая многочисленные толкования термина «фактические данные» имевших место в предшествующем УПК РСФСР). Вся трудность заключается в том, что *нужно не путать факты, которые отражаются в процессе познания, с результатами этого отражения – сведениями, знаниями о фактах.*

Напомним, что главный критерий допустимости доказательств – его процессуальность, а это требует, чтобы все критерии допустимости доказательств нашли отражение в процессуальной форме доказательственной деятельности. Анализ теоретической сущности категории допустимости доказательств в уголовном процессе позволяет рассматривать её как самостоятельный уголовно-процессуальный институт.

2. Содержание уголовно-процессуального института допустимости доказательств (связь допустимости с другими свойствами доказательства). Нередко наблюдается смешение понятий допустимости с другими правовыми требованиями доказательств. Исследуя работу авторов «Теории доказательств в советском уголовном процессе» о допустимости доказательств читаем: «... например, характеристики, содержание которых исчерпываются немотивированными утверждениями типа: «часто устраивал скандалы и драки», «недобросовестно относился к трудовым обязанностям», «систематически пьянствовал» и т.п., сами по себе не имеют доказательственного значения, недопустимы в этом качестве» [6, с. 237]. На самом деле в этом случае речь может идти о каком-либо другом правовом требовании доказательства – достоверности, относимости, но не как не о допустимости. И если такие характеристики налицо (человека), либо показания в ходе допроса, получены в соответствии с законодательством, они могут быть забракованы по какому-то другому признаку, но явно не по признаку допустимости. В данном случае имеем смешение различных правовых требований доказательств.

Тезис «допустимы относящиеся к делу доказательства» [7, с. 229], является смешением допустимости доказательств с относимостью. Нужно сказать, что относимость и допустимость доказательств определяется по различным критериям и имеют между собой косвенную связь. Имеется смешение допустимости доказательств с достоверностью, на которое указывает С.А. Шейфер, считающий, что доказательство может быть признано недопустимым, когда примененный познавательный прием оказывается недостаточно эффективным [8, с. 34-37].

Думается нужно рассмотреть критерии ограничения допустимости доказательств от других правовых требований доказательств. Допустимость это правовое требование, а не свойство доказательства, поскольку свойство, есть признак, который присущ чему-либо изначально (например, вода бывает только жидкая). Доказательства же не существуют в природе сами по себе изначально, а формируются, лишь в рамках уголовного процесса. И в этом аспекте отметить следующее. **Во-первых**, допустимость относится только к форме и не касается содержания доказательства. В Конституции РФ (ч.2 ст.50), и в УПК РФ (ч.1 ст.75) говорится о недопустимости доказательств, полученных с нарушением закона. Нельзя соглашаться с некоторыми авторами, которые считают, что допустимость в равной мере относится к процессуальной форме доказательства, и к его содержанию, поскольку они неразрывно связаны [9, с. 237]. На самом деле доказательство может быть пригодно по форме, но не пригодно по содержанию, т.е. неотносимое (напр., справка о каком-либо обстоятельстве, которое не относится к рассматриваемому уголовному делу). Единственная связь, которая все так просматривается между двумя этими правовыми требованиями, это то, что для признания доказательства пригодным для доказывания необходимо и то, и другое (и относимость и допустимость). **Во-вторых**, допустимость определяется, прежде всего, соблюдением формальных правил, которые прямо указаны в законе. Другое дело, что в действующем законодательстве данные правила не детализированы, имеют расплывчатую интерпретацию, определяющих допустимость доказательства.

3. Недопустимые доказательства. В ныне действующем УПК РФ понятие допустимости доказательств, получило закрепление в негативной форме в виде указания в ст.75 на недопустимые доказательства. В данной норме сформулированы три разных критерия недопустимости. Соответственно, первым и наиболее общим, а поэтому – универсальным критерием является получение доказательств с нарушением требований УПК РФ. Этот критерий в ст.75 УПК РФ назван дважды:

- 1) в ч.1, содержащей общие требования;
- 2) в той же формулировке, в перечне специально обозначенных недопустимых доказательств в качестве пункта, делающего этот перечень открытым. Кстати, в данном повторе видится несовершенство законодательной техники.

Анализируя второй критерий допустимости доказательств, думается законодатель делает шаг вперед в сравнении с УПК РСФСР, не ограничиваясь правилом о неспособности свидетеля, давшего показания, указать на конкретный источник своей осведомленности (как соответственно, в ст. 74), и лишая правовые требования допустимости также показания потерпевшего и свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе. При этом не совсем понятно, по какой причине известное ранее действующему уголовно процессуальному законодательству правило о недопустимости показаний потерпевшего, который не может указать источник своей осведомленности (ч.2 ст.75 УПК РСФСР), в существующий УПК РФ не попало, хочется думать из-за невнимательности законодателя в ходе рассмотрения и дальнейшей промудрости нормы.

Третьим критерием недопустимости являются не подтвержденные в суде показания подозреваемого, обвиняемого, которые даны в стадии предварительного расследования в отсутствие защитника, в том числе и тогда, когда эти лица отказались от защитника. Будучи предупрежденным о своем праве не свидетельствовать против себя самого и обеспеченным реальной возможностью воспользоваться услугами защитника, обвиняемый имеет выбор: давать или не давать показания, давать их в присутствии защитника или отказаться от его услуг. Едва ли есть основания лишать доказательственной силы показания, данные в этом случае, и исключать их из процесса доказывания, а значит – никак не оценивать в суде только потому, что подсудимый решил говорить что-то иное. Например, существует опасная иллюзия, что показания, данные в присутствии защитника, обладают большей юридической силой.

В связи с этим п.1 ч.2 ст.75 УПК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «Показания подозреваемого, обвиняе-

мого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу, в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, кроме случаев, когда отказ от защитника сделан надлежащим образом в присутствии последнего, о чем должна быть, сделана отметка в протоколе следственного действия и наличие ордера юридической консультации в материалах уголовного дела».

4. Правовые последствия нарушений процессуальной формы. Еще один вопрос, который является в аспекте допустимости доказательств «проблемой проблем». Этот вопрос касается правовых последствий нарушения процессуальной формы при получении доказательств (т.е. всякое ли процессуальное нарушение должно влечь, безусловно, недопустимые доказательства). Законность процедуры получения и закрепления доказательств различными процессуалистами различно. Одни ученые исходят из необходимости беспощадного исключения из доказательств тех из них, которые получены с любым нарушением закона. Другие исследователи считают, что *только существенные нарушения уголовно-процессуального законодательства, т.е. такие, которые повлияли или могли повлиять на законность и обоснованность приговора, могут считаться основанием признания доказательств недопустимыми*.

В последние годы вопрос касающейся правовых последствий нарушения процессуальной формы, стал дискуссионным, где четко, как сказано выше обрисовались два подхода. Один, из которых получил название концепции (теории) «плодов отравленного дерева» (опять же заимствовано это название из американской правовой науки), которая отстаивает безусловную недопустимость доказательств при **любом** нарушении установленного порядка собирания и закрепления доказательств независимо от их характера и степени [10, с. 47-49]. Другие ученые занимают более взвешенную позицию выступая за дифференцированный подход, и разделяют процессуальные нарушения на существенные и несущественные, выполнимые и невыполнимые [11; 12; 13, с. 72-105]. Данная проблема является не столько процессуальной, сколько проблемой уголовно-процессуальной политики. В основе *первого* положения лежит идея глобального устранения из доказывания процессуальных нарушений, исходящая из того, что только суровыми санкциями недействительности процессуальных актов, можно преодолеть процессуальный нигилизм, удерживая органы предварительного расследования и суд от нарушений, которые порождают сомнения в качестве доказательств. В основе *второго* подхода лежит идея, исходящая из интересов борьбы с преступностью, которая может пострадать, если предавать чрезмерное, гиперболизированное значение «формальным» и реально устранимым процессуальным нарушениям.

Под несущественными нарушениями следует понимать нарушения, которые не повлияли и не могли повлиять на правдивость, полноту и достоверность сформированного доказательства (например, вызов свидетеля на допрос, способом не предусмотренным законом, ни как не может повлиять правдивость полноту и достоверность следственного действия – допрос, т.к. порядок вызова свидетеля на допрос не затрагивает существа познавательной деятельности следователя, как субъекта доказывания).

Понятие существенного нарушения уголовно-процессуального закона (в качестве кассационного основания) содержится в ст. 381 УПК РФ: «существенные нарушения уголовно-процессуального закона признаются такие нарушения, требований статей настоящего Кодекса, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне рассмотреть дело и повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора».

Нужно указать, что говорить о выполнении или невыполнении процессуальных нарушений можно только применительно к двум компонентам допустимости:

- 1) способу получения доказательств;
- 2) процессу оформлению полученного доказательства.

Грань между устранимыми и неустранимыми процессуальными нарушениями определяется, прежде всего: нарушением или ограничением конституционных прав человека и гражданина и возможностью или невозможностью восполнить образовавшийся в результате отступления от процессуальной формы пробел в доказывании. Естественно, что нарушение конституционных гарантий прав и свобод граждан при уголовном преследовании всегда ведет к признанию полученных доказательств, не имеющих юридической силы.

Восполнимые нарушения это те, которые могут быть устранены, нейтрализованы [14, с. 240-241] (напр. отсутствует, чья

либо подпись, в протоколе, можно получить потом). То, что касается содержания следственных действий, можно сказать, что нарушения данной категории тоже устранимы, если не существует препятствий гносеологического характера. Основным способом устранения процессуальных нарушений должно являться дублирование, повторение, как полное, так и частичное следственного действия (например, повторное проведение осмотра места происшествия, следственного эксперимента).

Действительно, нельзя пренебрегать имеющимися доказательствами, если допущенную ошибку можно устранить: например повторный осмотр места происшествия, если следы преступления сохранились, но первоначально были неправильно зафиксированы, либо в протоколе допроса при ознакомлении с материалами уголовного дела отсутствовала дата допроса. Данные дефекты – формальные, устранимые, сами бреши в доказывании восполнимы.

5. Значение допустимости доказательств. Значение допустимости доказательств заключается в том, что данная категория уголовного процесса позволяет ограничить использование доказательств, полученных с формальными нарушениями (устранение которых возможно при дальнейшем производстве по уголовному делу) и при этом всегда категорически исключает из сферы доказывания те доказательства, которые были получены в результате профессиональной небрежности, некомпетентности, противоправных действий субъектов, уполномоченных на их собирание. Допустимость используемых по уголовному делу доказательств – это одна из наиболее важных гарантий правильного установления судом юридически значимых обстоятельств дела, а, в конечном счете, – достижения целей правосудия.

В уголовном процессе «процессуальной формой называется совокупность условий, установленных процессуальным законом для совершения органами следствия прокуратуры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел, а также для совершения гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу, тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности» [15, с. 51].

В настоящее время наибольшее внимание процессуалистов-теоретиков, сосредотачивается на разработке конкретных требований, определяющих пригодность доказательств по уголовному делу, иными словами – критериев допустимости доказательств получивших освещение в исследованиях многих авторов [16, с. 27; 17, с. 343; 18, с. 58; 19, с. 44-45].

П.А. Лулинская считает, что к допустимым доказательствам предъявляются следующие требования:

1. Доказательство должно быть получено надлежащим субъектом, правомочным проводить по данному уголовному делу процессуальные действия.
2. Доказательства должны быть получены только из источников, перечисленных в ст.74 УПК РФ, а в целом ряде случаев – из определенного вида источников (ст.86 УПК РФ).
3. Доказательство должно быть получено с соблюдением правил проведения процессуального действия, в ходе которого оно добыто [20].

Думается, что действительно, законодательство должно стремиться к максимально полной детализации правил, определяющих допустимость доказательств. Н.М. Кипнис выделяет следующие критерии допустимости доказательств:

- 1) надлежащий субъект, правомочный проводить процессуальные действия, направленные на получение доказательств;
- 2) надлежащий источник фактических данных (информации), составляющих содержание доказательства;
- 3) надлежащее процессуальное действие, используемое для получения доказательства;
- 4) надлежащий порядок проведения процессуального действия (судебного или следственного), используемого как средство получения доказательства [21, с. 26-27].

Представляется, что перечень Н.М. Кипниса наиболее точен, но его необходимо дополнить требованием *надлежащей фиксации доказательств* и считать этот перечень исчерпывающим. Думается, и это наверно один из главных тезисов в настоящее время в уголовном процессе, что в последнее время за проблемами прав человека мы стали забывать об основной задаче, на мой взгляд, в уголовном процессе – *о х р а н а о б щ е с т в а о т п р е с т у п н ы х п о с я г а т е л ь с т в*. Для этого и существует в первую очередь уголовное судопроизводство. Все остальное, в том числе и права личности, всего на всего условия в которых должен существовать уголовный процесс и оправданно без нарушения закона выполнять свои функции, в том числе меры процессуального принуждения, без которых

уголовный процесс не может существовать. Поскольку совершение преступления – это проявление пороговой обратной связи [22, с. 89] между человеком и обществом свидетельствующее о том, что нарушилась устойчивость, многие связи в системе «человек- общество» оказались утраченными... это разрешение возникшего противоречия между членом общества и обществом крайними средствами [23, с. 192].

6. Использование результатов ОРД в качестве доказательств. На самом деле результаты оперативно-розыскной деятельности, могут иметь доказательственное значение. Косвенно это положение закреплено в ст.89 УПК РФ, и самое главное, обратите внимание, как она озаглавлена: «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности». Но сама дефиниция, дана, почему-то в негативной форме: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». В Федеральном законе от 12 августа 1995 года «Об оперативно-розыскной деятельности», содержится более четкая формулировка, где указано: «результаты ОРД могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующим собирание, проверку и оценку доказательств» (ч.2 ст.11). На самом деле весь парадокс заключается в том, что оперативно-розыскная деятельность, в отличие от уголовно-процессуальной деятельности, является совсем иной отраслью государственной деятельности, которая осуществляется на основании иного федерального закона от 12 августа 1995 года № 114-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Результаты ОРД не могут быть получены тем процессуальным путем, который указывает УПК РФ. Они могут быть получены только не процессуальными способами, которые предусмотрены и указаны в Законе об ОРД. Иных путей получения результатов ОРД не существует. То, что касается, более надежным или менее надежным, доказательство или результаты ОРД, можно сказать, что вопрос этот сугубо субъективный, так для оперуполномоченного более надежным будет - результаты ОРД, а для следователя – доказательства.

Действительно, в науке вопрос об использовании результатов ОРД в уголовном процессе в качестве доказательств обсуждается на протяжении многих лет, по данному вопросу имеется обширная литература, которую не берусь всю перечислять [24; 25, с. 57-59; 26; 27; 28; 29]. Думается, нужно кратко ограничиться высказыванием своей позиции по данному вопросу. Представляется, что для правильного решения указанной проблемы, прежде всего, необходимо при сопоставлении результатов ОРД с доказательствами, выделить то *общее и то особенное*, что присуще данным правовым категориям.

Если рассмотреть историю вопроса, то впервые возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе установлен Законом СССР от 12 июня 1990 г., которым вносились изменения и дополнения в Основы уголовного судопроизводства СССР и Союзных республик. Практическая новизна правила, включенного в ст.29 Основ, заключалась в том, что результаты оперативно-розыскных действий с применением видео, кино и звукозаписи можно было использовать в качестве доказательств по делу. Эта попытка в дальнейшем была закреплена в ст.10 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» 1992 г., согласно которой «результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы в качестве доказательств по уголовным делам после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством». Такая формулировка при всей её новизне, к сожалению, не внесла ясности в вопрос о соотношении оперативно-розыскных данных и доказательств по уголовному делу. Практическое толкование данной нормы давало возможность использовать результаты ОРД в качестве доказательств по расследуемому уголовным делам. Невершенство указанной нормы, когда из её диспозиции выпал такой составляющий элемент процесса доказывания, как способ собирания доказательств, с которым связана их допустимость, соблюдение прав и законных интересов участников процесса, подверглось решительной критике в процессуальной литературе.

В России вопрос о нормативном закреплении оперативно-розыскной информации в качестве вида доказательства выносился на суд общества и вызвал самую разную реакцию: от полной поддержки с формированием соответствующих предложений по совершенствованию законодательства (А.Д. Бойков [30, с. 34-36], М.П. Поляков [31], В.К. Зинкин [32]), до столь же полного неприятия по мотиву отсутствия в этом необходимости (Л.М. Карнеева [33, с. 34]).

Одним из сторонников придания результатам ОРД статуса доказательств является В.М. Бозров, опубликовавший статью под названием «Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе» [34], в которой отстаивает необходимость включения всех результатов ОРД в число доказательств. «Механизм проведения ОРД и получения его результатов непосредственно органом дознания в основе своей такой же, что и механизм однородного следственного действия. Разница лишь в том, что один вид ОРД реализуется прямым применением закона об ОРД, а другой – опосредовано, т.е. через УПК, чтобы устранить это формальное различие, необходимо включить все результаты ОРД в число доказательств» [35, с. 47]. Если же делать упор на ч.2 ст.50 Конституции РФ то можно сказать, что допустимость доказательств формируется еще в ходе оперативно-розыскной деятельности, а не только в процессе доказывания. Данная мысль отчетливо выражена в работе В.К. Зинкина «Оперативно-розыскная деятельность как система добывания и собирания уголовно-процессуальных доказательств». Данная работа рекомендована Сибирским региональным учебно-методическим центром высшего профессионального образования в качестве учебного пособия [36, с. 11-27].

Думается, что главным критерием при использовании результатов ОРД в доказывании выступает достоверность информации. Если информация недостоверна, то бессмысленно думать о других условиях допустимости доказательств. Результаты ОРД, представляют конечный итог, полученный в рамках ОРД, которой присущ свой механизм по установлению достоверности. Можно говорить о том, что достоверность непереный признак результатов ОРД, оценка достоверности оценивается по формальным критериям, как и в уголовном процессе. Соответственно устанавливается: предусмотрено ли данное действие законом об ОРД, проводил ли его надлежащий субъект, соблюдены ли основания и условия проведения ОРМ, которые предусмотрены ФЗ об ОРД.

Однако сам механизм оперативно-розыскной информации многими исследователями в расчет не принимается, в связи с этим, будет правильным обратиться к формулированию ст.11 ФЗ об ОРД. Уже в первой части этой статьи предусмотрено использование ее результатов для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, что предполагает использование в доказывании по уголовным делам. Как известно процесс доказывания начинается с момента начальной стадии уголовного процесса – возбуждение уголовного дела, тогда отсюда следует, что использование результатов ОРД в качестве поводов и оснований можно также поместить в область деятельности термина «доказывание». А если это так, то диспозиция, имеющаяся в ст.11 ФЗ об ОРД, показывает на то, что использование результатов ОРД в доказывании означает фактически, использование их в качестве доказательств. И говорить о том, что уголовно-процессуальная форма делает каким-то особенным и более достоверным содержание информации о преступлении, вряд ли верно.

При сравнении определении доказательств, содержащихся в ч.1 ст. 74 УПК РФ и определении результатов ОРД, которое содержится в п.36.1 ст.5 УПК РФ, следует логичный вывод, что эти определения по себе тождественны, так как в ст.74 указано «любые сведения», а значит и полученные в соответствии с федеральным законом об ОРД. И как видно из ч.2 ст.11 Закона об ОРД, результаты оперативно-розыскной деятельности [37] могут использоваться в доказывании по уголовным делам. Можно констатировать, что при определении понятия доказательства и результатов оперативно-розыскной деятельности, на лицо имеются, законодательные признаки понятия доказательства:

1. Доказательства – это любые сведения.

2. Это сведения, посредством которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке предусмотренном УПК РФ, устанавливает отсутствие или наличие обстоятельств подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а так же иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Законодательные признаки понятия результатов ОРД:

1. Это сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органа дознания, следствия и суда.

2. Данные сведения должны быть получены в соответствии с Законом об ОРД.

Думается, что как доказательства, так и результаты оперативно-розыскной деятельности должны быть сведениями, которые являются средствами установления обстоятельств входящих в предмет доказывания, указанные в ст.73 УПК РФ.

На самом деле, в настоящее время действующий УПК РФ, в котором имеется не только негативная форма, но и двусмысленная формулировка (ст.89) и, цитируя ее, можно прийти к единственному выводу: главное противоречие между понятной всем необходимостью использования ОРД в доказывании и неясностью форм правового регулирования при использовании действующим УПК РФ, не устранено.

7. Использование результатов ОРД за рубежом. С учетом сказанного, думается, будет уместно обратиться к зарубежному опыту статуса оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве, имея в виду, прежде всего, США и некоторые страны Западной Европы.

Основным органом, осуществляющим расследование уголовных дел в США, является полиция. Результаты негласной полицейской деятельности большинством судов рассматривается в качестве доказательств, в том числе – так называемые «доказательства по слуху» (не принимаемые, по общему правилу, от иных лиц) и различного рода полицейские материалы, как, например, данные уголовной регистрации, показания полицейских осведомителей, сведения полученные в результате явного и скрытого наблюдения, в том числе специальных приспособлений для прослушивания (подслушивания) и фиксации телефонных переговоров, телевизионных, кино-видео-камер со специальными устройствами для наблюдения и фиксации происходящего [38, с. 78; 39, с. 129].

Нужно сказать, что англосаксонское судопроизводство (США, Великобритания), отличающееся от континентального почти полным отсутствием процессуальной регламентации досудебного производства, не создает тем не менее процессуальных препятствий и для допуска в судебное разбирательство информации, собранной полицией до суда [40, с. 25].

Уголовный процесс Франции относится к континентальной (смешанной) форме организации судопроизводства, включающее розыскное предварительное следствие (дознание) и составительное (окончательное) судебное разбирательство [41, с. 30]. Дознанию во Франции присущи как элементы оперативно-розыскной, так и уголовно-процессуальной деятельности, четкой границы, отделяющие вне процессуальные мероприятия от процессуальных действий в рамках УПК Франции нет [42, с. 42-53].

8. Процессуальная форма закрепления результатов ОРД. Оперативно-розыскная деятельность осуществляется посредством оперативно-розыскных мероприятий. Всего в законе об ОРД закреплено 14 ОРМ. Под результатами оперативно-розыскной деятельности понимается, прежде всего, оперативная информация, имеющая значение для раскрытия преступления и получения при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий, связанных с применением негласных сил, средств, форм и методов ОРД, как до возбуждения уголовного дела, так и в ходе оперативно-розыскного сопровождения [43, с. 9-20].

Возможность использования результатов ОРД в целях доказывания наталкивается на существенную трудность – *отсутствие нормативно признанных правил* преобразования результатов ОРД в доказательства, в процессуальном смысле. Введение в уголовный процесс оперативно-розыскной информации в качестве доказательства возможно лишь при условии неуклонного соблюдения основных постулатов доказательственного права и теории доказательств, определяющих допустимость доказательств. Отказ от и соблюдения исключает возможность преобразования данных ОРД в доказательства.

Одним из требований является требование проверяемости доказательств. Оно означает, что органы расследования, прокурор и суд должны иметь возможность проследить весь путь формирования доказательства, с тем, чтобы убедиться в надежности источника и в том, что в этом процессе не произошло искажений сведений, составляющих содержание доказательств. Установления источников доказательства (т.е. носителей доказательственной информации) требует и ст.87 УПК РФ.

С учетом требований допустимости важным является положение о том, что доказательства должны иметь форму, предусмотренную уголовно-процессуальным законом, т.е. относиться к одному из закрепленных законом видов доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

То, что касается вопроса о том, каким видом доказательства могут стать в уголовном процессе результаты ОРД, на это указывает сам характер проводимых с этой целью ОРМ (ст. 6 Закона об ОРД).

1. Опрос граждан, может выявить очевидцев, и в этом случае они могут быть допрошены.

2. Наведение справок, может выявить, как очевидцев, которые могут быть допрошены, так и в ходе данного ОРМ, возможно получение какой либо письменной справки (требование

из ИЦ о судимости, справка ОВД об административных правонарушениях и т.п.), и результат может быть отнесен, к такому виду доказательств, как иные документы.

3. Сбор образцов для сравнительного исследования. Результаты исследования могут быть представлены – в качестве иного документа в уголовном процессе.

4. Проверочная закупка (производимая с целью установления фальсификация товара или иных преступлений в финансовой, торговой деятельности), при наличии в результате проведения данного ОРМ аудио-и видеозаписи, с прилагаемой письменной фиксацией акта закупки- представляется в качестве иных документов.

5. Исследование предметов и документов. Один из принципов такого ОРМ, как исследования предметов и документов сводится к тому, что в его процессе не должна быть утеряна возможность использовать предметы и документы в доказывании по уголовному делу. Это ОРМ является логическим продолжением сбора образцов для сравнительного исследования. Ведь сбор образцов это своего рода подготовительный этап для исследования с целью выявления криминологических значимых признаков в том или ином объекте. Хотя отдельные объекты исследуются «сами по себе», без предварительного сбора образцов.

6. Наблюдение (слежка). Данное ОРМ, которое отражается в оперативно-служебных документах (а также с помощью видеозаписи и средств электронного наблюдения) – представляется в качестве иных документов.

7. Отождествление личности (идентификация лица и трупа, похищенных вещей и т.п.), учитывая конспиративный характер, нельзя соотносить со следственным действием «предъявление для опознания». Исходя из своего конспиративно-познавательного характера отождествление как правило не документируется и способом его фиксации и введения в уголовный процесс может стать- допрос, лица, которое отождествило объект.

8. Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. Само по себе ОРМ предполагает негласное проникновение внутрь этих объектов и осмотр их изнутри. В ходе указанного ОРМ могут быть обнаружены различные предметы (орудия преступления, гильзы, пули и т.д.) которые могут иметь отношение к уголовному делу. В уголовный процесс вводятся как вещественные доказательства.

9. Контроль почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений. Под контролем следует понимать – конспиративный осмотр. Изъятый документ, его копия, оперативно-служебный документ, в котором зафиксирован факт осмотра, представляется следователю в качестве иных документов.

10. Прослушивание телефонных переговоров. Представляется по аналогии с таким ОРМ, как контроль почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений.

11. Снятие информации с технических каналов связи (съем, с разрешения суда специальными техническими средствами данных при передаче информации по сетям электрической связи, в компьютерных сетях и коммуникационных системах). Представляется в уголовный процесс в качестве иных документов.

12. Оперативное внедрение (конспиративный ввод на основании постановления утвержденного руководителем органа, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в преступную среду оперативного сотрудника или агента, с целью добывания информации о преступной деятельности). Нужно указать, что данное ОРМ по своей внутренней сущности является одним из самых сложных и трудно реализуемых. Результатом этого ОРМ может быть представление в уголовный процесс определенного комплекса, полученных результатов, имевших место в других ОРМ (например, аудиозаписей переговоров оперативного сотрудника, агента, либо иного лица с потенциальным преступником).

13. Контролируемая поставка (допущение вывоза, провоза, взвоза вызывающих подозрение партий груза с вехом и под надзором оперативных органов с целью раскрытия преступления). Результатами этого ОРМ, является представление в уголовный процесс, различных предметов, свободная реализация которых либо запрещена, либо оборот которых ограничен (напр., наркотические средства, биологическое оружие, радиоактивные материалы, сильнодействующие и ядовитые вещества и др.).

14. Оперативный эксперимент. Наиболее распространенным является представление о нем, как об опытным действии, направленным на проверку данных о намерении лица совершить тяжкое преступление и о легендарных шагах, навстречу его желанию (напр., получить взятку) с тем, чтобы осуществить захват с личным, непосредственно при совершении

преступления. Но в данном случае следует помнить, что оперативный эксперимент не должен перерасти в провокацию преступления (УК РФ предусматривает уголовную ответственность за провокацию взятки, либо коммерческого подкупа, ст.304 УК РФ). Результатом этого ОРМ может быть изъятие предметов (например, меченых купюр). В данном случае в уголовный процесс результаты данного ОРМ можно представить: *во-первых*, как изъятых предметов, документов, аудиозаписей переговоров оперативного сотрудника, агента, либо иного лица с предполагаемым (потенциальным) преступником; *во-вторых*, возможен доклад участников оперативного эксперимента об обстоятельствах его проведения.

С учетом сказанного, результаты ОРД могут быть непосредственно введены в уголовное дело (уголовный процесс) не в виде любого доказательства, а только *в виде вещественных доказательств и иных документов*. Это объясняется тем, что только предметы и документы вводятся в уголовный процесс с сохранении своей первоначальной формы, между тем, как любая другая информация, содержащаяся в следах событиях, в ходе процессуальной деятельности всегда преобразуется, принимает иную форму.

Статья 11 Закона об ОРД устанавливает, что результаты ОРД могут служить поводом и основанием возбуждения уголовного дела. Инструкция от 17 апреля 2007 г. [44] определяет порядок представления оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд при наличии в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления. При этом в инструкции не указывается, как следует оформлять принятие этих материалов.

Непосредственно обнаруженные оперативными органами признаки преступления должны быть удостоверены, отражены в оперативно-служебных документах, каковыми являются рапорты, справки, сводки, справки-меморандумы, отчеты и др. В данном случае, можем говорить о том, что у *результатов ОРД существует форма закрепления информации*.

Согласно п.21 Инструкции «Результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе».

Не должно вызывать сомнения право органов расследования принимать, исследовать и оценивать доказательственные материалы, поступившие от оперативно-розыскных подразделений, подобное их право принимать доказательства, представленные участниками уголовного процесса (ст.86 УПК РФ).

С учетом сказанного выше, правила представления результатов ОРД оперативными органами и принятия их органами расследования представляют собой некий нормативный комплекс, охватывающий как предписания закона об ОРД, так и нормы УПК РФ и вытекающие из них положения. Этот комплекс должен охватывать следующие требования:

1. Предметы и документы должны быть получены оперативным органом с соблюдением норм Закона об ОРД (где необходимо с разрешением суда). Ведомственные нормативные документы подлежат применению лишь в части, не противоречащему федеральному законодательству.

2. Факт их получения оперативным органом должен быть удостоверен соответствующим оперативно-служебным документом [45, с. 2].

3. Представление результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору, в суд для осуществления проверки и принятия процессуального решения в порядке статей 144 и 145 УПК РФ, а также для приобщения к уголовному делу осуществляется на основании постановления о представлении результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД (начальником или его заместителем) [46]. Указанное постановление составляется в двух экземплярах, первый из которых направляется дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, второй – приобщается к материалам дела оперативного учета или, в случае его отсутствия, к материалам специального номенклатурного дела.

4. Представляемый предмет или документ должен быть осмотрен следователем (дознавателем). Эти действия должны быть отражены в протоколе осмотра предметов (документов).

5. Признав результаты ОРД относимыми и удовлетворяющими требованиям допустимости, следователь (дознаватель) выносит постановление о приобщении его к уголовному делу, а в противном случае отказывает в этом.

В настоящее время отсутствие четко определенной процедуры приобщения результатов ОРД к уголовному делу, затрудняет использование их в доказывании, порождает признание соответствующих сведений недопустимыми доказательствами. Не смотря на это, в настоящее время нужно констатировать:

1. Уголовный процесс и оперативно-розыскная деятельность являются элементами одной криминальной системы.

2. Взаимодействие указанных элементов представляет собой информационное взаимодействие и осуществляется на основе присущих взаимодействию принципов.

3. Методологическим принципом информационного взаимодействия уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности должна выступать интерпретация.

В концептуальном плане не существует серьезных препятствий для использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. По своей познавательной сущности и заложенному в них смыслу, результаты оперативно-розыскной деятельности, как и доказательства, выступают в уголовно-процессуальном доказывании в качестве одного из надежных средств установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Таким образом, результаты оперативно-розыскной деятельности, с позиции познания, являются тождественными доказательствам, поскольку и те и другие наделены одними и теми же признаками (свойствами). Во-первых и результаты оперативно-розыскной деятельности, и доказательства по уголовному делу являются сведениями (фактами). Во-вторых, посредством этих самых сведений (фактов) устанавливаются значимые для уголовного дела обстоятельства (юридические факты) [47, с. 130]. Оперативно-розыскная деятельность и доказывание по уголовным делам являются разными гранями одного и того же явления: познания по уголовным делам [48, с. 19-47]. Поэтому применение агентурного метода в борьбе с преступностью и эвристических возможностей ОРД в целом – безусловный залог успеха. Нельзя уповать только на гласные и состязательные процессуальные методы разрешения этой проблемы.

Нормативные предписания результатов ОРД об их уголовно-процессуальном использовании должны быть закреплены в разделе, которые регулируют соответствующие устойчивые и объективно обособленные группы юридических норм: производство следственных и судебных действий, доказывания и доказывание. Далее, необходимо дополнить перечень источников уголовно-процессуальных доказательств редакцией: «результаты оперативно-розыскной деятельности». Кроме того, главу 10 «доказательства», необходимо включить статью, в следующей редакции: «*Результаты оперативно-розыскной деятельности являются доказательствами, если они получены и проверены в порядке предусмотренным Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», и содержат информацию, имеющую значение для установления обстоятельств указанных в ст. 73 Настоящего Кодекса».*

9. Идеология и ОРД. Разрешение проблемы уголовно-процессуального использования результатов ОРД во многом зависит от идеологических установок, принятых в сфере взаимоотношений государства и преступности. Не столько теория и право, а именно идеология определяет принципы и качество разрешения проблемы противодействия преступности. В настоящее время на общем фоне преступности, существует негативный информационный фон, который окружает уголовное судопроизводство различными мифами и «страшилками», «37 годом» и репрессиями прошлого – XX века. Вышесказанные средства пытаются использовать в качестве аргументов против обновления идеологии борьбы с преступностью. Есть уверенность, что в большинстве своем, на мифологических основаниях строится негативный образ оперативно-розыскной деятельности. К идеологической составляющей можно отнести и современные попытки подвергнуть сомнению информационную самостоятельность результатов ОРД. В отличие от негативных предубеждений некоторой части российских процессуалистов, закон об ОРД устанавливает собственный правовой режим оперативно-розыскной деятельности, со свойственными только ему способами и результатами оперативно-розыскной деятельности. Подобный подход вполне укладывается в установленное Конституцией РФ

положение о допустимости доказательств, согласно которому при « осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона» (часть 2 статьи 50 Конституции Российской Федерации). Нужно уточнить, что *перечень федеральных законов, посредством которых, возможно получение доказательств, в настоящее время является открытым*. Недоверие к оперативно-розыскному методу и использование его результатов в уголовном процессе, есть следствие искусственной «мифологизации» и «конспирологии», т.е. некоего заговора в отношении ОРД.

Нужно указать на то, что в сфере оперативно-розыскной деятельности правовая политика не разработана до сих пор, у граждан создается впечатление, что ОРД носит какой-то полулегальный характер. Большинство граждан считают, что и закон, который регулирует общественные отношения в области ОРД не существует. *И даже для юристов существование в качестве правового регулятора целой области правоотношений закона об ОРД насчитывающего 23 статьи – законодательный нонсенс. Почему такое происходит? Ответ очень простой – дело не в праве, дело в идеологии.*

Библиографический список

1. Маркс, К. Собр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 23.
2. Барабаш, А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. – СПб., 2005.
3. Давлетов, А.А. Основы уголовно-процессуального познания. – Свердловск, 1991.
4. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – М., 1973.
5. Дорохов, В.Я. О понятии доказательства в советском уголовном процессе // Советское государство и право. – М, 1964.
6. Теория доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1973.
7. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. – М., 2006.
8. Шейфер, С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1972.
9. Теория доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1973.
10. Чувилев, А. Плоды отравленного дерева / А. Чувилев, А. Лобанов // Российская юстиция. – 1996. – № 11.
11. Зажицкий, В.О. О допустимости доказательств // Российская юстиция. – 1999. – № 3.
12. Некрасов, С. Допустимость доказательств: вопросы и решения // Российская юстиция. – 1998. – № 1.
13. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. – М., 1995.
14. Теория доказательств в советском уголовном процессе.
15. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. Основные положения науки советского уголовного процесса. – М., 1968. – Т. 1.
16. Кипнис, Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. – М., 1995.
17. Лупинская, П.А. Доказательства в уголовном процессе. Допустимость доказательств. Основания признания доказательств недопустимыми // Комментарий российского законодательства. – М., 1997.
18. Золотых, В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. – Ростов-на-Дону, 1999.
19. Орлов, Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. – М., 2000.
20. Лупинская, П.А. Основания и порядок принятия решений о недопустимости доказательств // Рос. Юстиция. – 1994. – № 11.
21. Кипнис, Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. – М., 1995.
22. Дружинин, В.В. Проблемы системологии (проблемы теории сложных систем) / В.В. Дружинин, В.С. Конторов. – М., 1976.
23. Барабаш, А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. – СПб., 2009.
24. Доля, Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. – М., 1996.
25. Доля, Е.А. Формирование доказательств на основе оперативно-розыскной деятельности. – М., 2009.
26. Доля, Е.А. Использование непроцессуальных познавательных мероприятия в доказывании по уголовному делу // Государство и право. – 1997. – № 9.
27. Корневский, Ю.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / Ю.В. Корневский, М.А. Токарев. – М., 2000.
28. Поляков, М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / под ред. В.Т. Томина. – Нижний Новгород, 2001.
29. Семенов, В.А. Правовые предпосылки и этапы реализации оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве / В.А. Семенов, В.Ю. Сафонов. – Екатеринбург, 2006.
30. Основы уголовного судопроизводства СССР и Союзных Республик (проект) / под ред. А.Д. Бойкова // Соц. Законность. – 1990. – № 3.
31. Поляков, М.П. Уголовно-процессуальное использование результатов оперативно-розыскной деятельности: проблемы теории и практики / М.П. Поляков, А.П. Попов, Н.М. Попов / под общ. ред. В.Т. Томина. – Пятигорск, 1998.
32. Зникин, В.К. Оперативно-розыскная деятельность как система добывания и собирания уголовно-процессуальных доказательств: учеб. пособие. – Кемерово, 2000.
33. Карнеева, Л.М. Уголовно-процессуальный закон и практика доказывания // Соц. Законность. – 1990. – № 11.
34. Бозров, В.М. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2004. – № 4.
35. Бозров, В.М. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2004. – № 4.
36. Зникин, В.К. Оперативно-розыскная деятельность как система добывания и собирания уголовно-процессуальных доказательств: учеб. пособие. – Кемерово, 2000.
37. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 1 марта 2012 г. – М., 2012.
38. Николлайчук, В.М. Уголовный процесс США. – М., 1981.
39. Смирнов, М.П. Оперативно-розыскная деятельность полиции зарубежных стран. – М., 2001.
40. Ковалев, В.А. Уголовный процесс буржуазных государств. – М., 1983.
41. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1996. – Т. 1.
42. Головкин, Л.Г. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. – М., 1995.
43. Корневский, Ю.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / Ю.В. Корневский, М.Н. Токарева. – М., 2000.
44. Приказ МВД РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков и Минобороны РФ от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд».
45. Лупинская, П.А. Основания и порядок принятия решений о недопустимости доказательств // Российская юстиция. – 1994. – № 11.
46. Приказ МВД РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков и Минобороны РФ от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд».
47. Агутин, А.В. Организационно-правовой механизм обеспечения допустимости доказательств в досудебном производстве: учеб. пособие / А.В. Агутин, Д.А. Карамышев. – М., 2010.
48. Агутин, А.В. Мироззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании. – М., 2004.

Bibliography

1. Marks, K. Socr. soch. / K. Marks, F. Ehngeljs. – Т. 23.
2. Barabash, A.S. Priroda rossiyjskogo ugovolnogo processa, celi ugovolno-processualnoj deyatel'nosti i ikh ustanovlenie. – SPb., 2005.

3. Davletov, A.A. Osnovnih ugovolno-processualjnogo poznaniya. – Sverdlovsk, 1991.
4. Teoriya dokazatel'stv v sovet'skom ugovolnom processe / otv. red. N.V. Zhogin. – M., 1973.
5. Dorokhov, V.Ya. O ponyatii dokazatel'stva v sovet'skom ugovolnom processe // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – M., 1964.
6. Teoriya dokazatel'stv v sovet'skom ugovolnom processe. – M., 1973.
7. Ugolovno-processual'noe pravo Rossiyskoy Federacii: uchebnik. – M., 2006.
8. Sheyffer, S.A. Suthnost' i sposobih sobiraniya dokazatel'stv v sovet'skom ugovolnom processe. – M., 1972.
9. Teoriya dokazatel'stv v sovet'skom ugovolnom processe. – M., 1973.
10. Chuvilev, A. Plodih otravlenogo dereva / A. Chuvilev, A. Lobanov // Rossiyskaya yusticiya. – 1996. – № 11.
11. Zazhickiy, V.O. O dopustimosti dokazatel'stv // Rossiyskaya yusticiya. – 1999. – № 3.
12. Nekrasov, S. Dopustimost' dokazatel'stv: voprosih i resheniya // Rossiyskaya yusticiya. – 1998. – № 1.
13. Kipnis N.M. Dopustimost' dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve. – M., 1995.
14. Teoriya dokazatel'stv v sovet'skom ugovolnom processe.
15. Strogovich, M.S. Kurs sovet'skogo ugovolnogo processa. Osnovniye polozheniya nauki sovet'skogo ugovolnogo processa. – M., 1968. – T. 1.
16. Kipnis, N.M. Dopustimost' dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve. – M., 1995.
17. Lupinskaya, P.A. Dokazatel'stva v ugovolnom processe. Dopustimost' dokazatel'stv. Osnovaniya priznaniya dokazatel'stv nedopustimihmi // Kommentariy rossiy'skogo zakonodatel'stva. – M., 1997.
18. Zolotikh, V.V. Proverka dopustimosti dokazatel'stv v ugovolnom processe. – Rostov-na-Donu, 1999.
19. Orlov, Yu.K. Osnovnih teorii dokazatel'stv v ugovolnom processe. – M., 2000.
20. Lupinskaya, P.A. Osnovaniya i poryadok prinyatiya resheniy o nedopustimosti dokazatel'stv // Ros. Yusticiya. – 1994. – № 11.
21. Kipnis, N.M. Dopustimost' dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve. – M., 1995.
22. Druzhinin, V.V. Problemih sistemologii (problemih teorii slozhnikh sistem) / V.V. Druzhinin, V.S. Kontorov. – M., 1976.
23. Barabash, A.S. Publichnoe nachalo rossiy'skogo ugovolnogo processa. – SPb., 2009.
24. Dolya, E.A. Ispol'zovanie v dokazivanii rezul'tatov operativno-rozihsnoy deyatelnosti. – M., 1996.
25. Dolya, E.A. Formirovaniye dokazatel'stv na osnove operativno-rozihsnoy deyatelnosti. – M., 2009.
26. Dolya, E.A. Ispol'zovanie neprocessual'nikh poznavatel'nikh meropriyatiya v dokazivanii po ugovolnomu delu // Gosudarstvo i pravo. – 1997. – № 9.
27. Korenevskiy, Yu.V. Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozihsnoy deyatelnosti v dokazivanii po ugovolnim delam / Yu.V. Korenevskiy, M.A. Tokarev. – M., 2000.
28. Polyakov, M.P. Ugolovno-processual'naya interpretaciya rezul'tatov operativno-rozihsnoy deyatelnosti: monografiya / pod red. V.T. Tomina. – Nizhniy Novgorod, 2001.
29. Semencov, V.A. Pravovye predposilki i etapih realizacii operativno-rozihsnoy deyatelnosti v dosudebnom proizvodstve / V.A. Semencov, V.Yu. Safonov. – Ekaterinburg, 2006.
30. Osnovnih ugovolnogo sudoproizvodstva SSSR i Soyuznikh Respublik (proekt) / pod red. A.D. Boyjkova // Soc. Zakonnost'. – 1990. – № 3.
31. Polyakov, M.P. Ugolovno-processual'noe ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozihsnoy deyatelnosti: problemih teorii i praktiki / M.P. Polyakov, A.P. Popov, N.M. Popov / pod obsh. red. V.T. Tomina. – Pyatigorsk, 1998.
32. Znikin, V.K., Operativno-rozihsnaya deyatelnost' kak sistema dobivaniya i sobiraniya ugovolno-processual'nikh dokazatel'stv: ucheb. posobie. – Kemerovo, 2000.
33. Karneeva, L.M. Ugolovno-processual'niy zakon i praktika dokazivaniya // Soc. Zakonnost'. – 1990. – № 11.
34. Bozrov, V.M. Rezul'tatam operativno-rozihsnoy deyatelnosti – status dokazatel'stv v ugovolnom processe // Rossiyskaya yusticiya. – 2004. – № 4.
35. Bozrov, V.M. Rezul'tatam operativno-rozihsnoy deyatelnosti – status dokazatel'stv v ugovolnom processe // Rossiyskaya yusticiya. – 2004. – № 4.
36. Znikin, V.K. Operativno-rozihsnaya deyatelnost' kak sistema dobivaniya i sobiraniya ugovolno-processual'nikh dokazatel'stv: ucheb. posobie. – Kemerovo, 2000.
37. Ugolovno-processual'niy kodeks Rossiyskoy Federacii: tekst s izm. i dop. na 1 marta 2012 g. – M., 2012.
38. Nikolaychuk, V.M. Ugolovniy process SShA. – M., 1981.
39. Smirnov, M.P. Operativno-rozihsnaya deyatelnost' policii zarubezhnikh stran. – M., 2001.
40. Kovalev, V.A. Ugolovniy process burzhuaznikh gosudarstv. – M., 1983.
41. Fojnickiy, I.Ya. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva. – SPb., 1996. – T. 1.
42. Golovko, L.G. Doznanie i predvaritel'noye sledstvie v ugovolnom processe Francii. – M., 1995.
43. Korenevskiy, Yu.V. Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozihsnoy deyatelnosti v dokazivanii po ugovolnim delam / Yu.V. Korenevskiy, M.N. Tokareva. – M., 2000.
44. Prikaz MVD RF, Federal'noy sluzhbih bezopasnosti RF, Federal'noy sluzhbih okhranih RF, Federal'noy tamozhennoy sluzhbih, Sluzhbih vneshney razvedki RF, Federal'noy sluzhbih ispolneniya nakazaniy, Federal'noy sluzhbih RF po kontrolyu za oborotom narkotikov i Minoboronih RF ot 17 aprelya 2007 g. № 368/185/164/481/32/184/97/147 «Ob utverzhenii Instrukcii o poryadke predstavleniya rezul'tatov operativno-rozihsnoy deyatelnosti doznatelyu, organu doznaniya, sledovatelyu, prokuroru ili v sud».
45. Lupinskaya, P.A. Osnovaniya i poryadok prinyatiya resheniy o nedopustimosti dokazatel'stv // Rossiyskaya yusticiya. – 1994. – № 11.
46. Prikaz MVD RF, Federal'noy sluzhbih bezopasnosti RF, Federal'noy sluzhbih okhranih RF, Federal'noy tamozhennoy sluzhbih, Sluzhbih vneshney razvedki RF, Federal'noy sluzhbih ispolneniya nakazaniy, Federal'noy sluzhbih RF po kontrolyu za oborotom narkotikov i Minoboronih RF ot 17 aprelya 2007 g. № 368/185/164/481/32/184/97/147 «Ob utverzhenii Instrukcii o poryadke predstavleniya rezul'tatov operativno-rozihsnoy deyatelnosti doznatelyu, organu doznaniya, sledovatelyu, prokuroru ili v sud».
47. Agutin, A.V. Organizacionno-pravovoy mekhanizm obespecheniya dopustimosti dokazatel'stv v dosudebnom proizvodstve: ucheb. posobie / A.V. Agutin, D.A. Karamishev. – M., 2010.
48. Agutin, A.V. Mirovotrencheskie idei v ugovolno-processual'nom dokazivanii. – M., 2004.

Статья поступила в редакцию 15.05.12